

ЭПИЗОДЫ ОБЩЕНИЯ, КОММУНИКАТИВНЫЕ РОЛИ И ДИСКУРС

Д.Г. БОГУШЕВИЧ, И.В. ИВАНОВА-МИЦЕВИЧ

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск

Адекватное моделирование семантики и структуры речевых произведений требует расширения объема речи, подвергающегося лингвистическому анализу. Если дискурс понимать как образование, элементы которого реализуют свою семантику в отношениях между собой (Лакло, Муфф) для достижения организации взаимодействия коммуникантов, при дискурсивном анализе необходимо учитывать коммуникативно-прагматические параметры (эпизоды общения, коммуникативные роли, матрицы коммуникантов, кортежи) и семантические (сигнификативные и денотативные) свойства предложений.

Ключевые слова: *речь, дискурс, эпизоды общения, коммуникативные роли, матрица коммуникантов, кортежи, текст, предложение, сигнификат, денотат.*

EPISODES OF COMMUNICATION, COMMUNICATIVE ROLES AND DISCOURSE D. G. BOGUSHEVICH, V. I. IVANOVA-MITSEWICH

Adequate modeling of meanings and structures of speech products demands expansion of linguistic analysis to larger stretches of speech. If discourse is considered as a structure the elements of which realize their meanings in connection among them (Laclau, Mouffe) for organizing cooperation, while analyzing discourse it is necessary to consider pragmatic parameters (communicative roles, events of communication, matrices of communicants and corteges) and semantic (significative and denotative) properties of sentences.

Keywords: *speech, discourse, events of communication, communicative roles, matrix of communicants, corteges, text, sentence, signification and denotation.*

Термин «дискурс» в настоящее время оказался одним из наиболее популярных в лингвистике. Такое широкое использование этого находившегося на периферии языкознания термина не случайно. Оно вызвано стремительным расширением сферы лингвистики, то есть области применения лингвистических методов и поисков таких принципов использования системы языка, которые точнее и объективнее могли бы моделировать речь и объединить языкознание с другими науками о человеке.

Этот термин уже появлялся в языкознании, как правило, в тех случаях, когда действовавшая на тот момент в каких-либо направлениях лингвистики идеология вырабатывала свой ресурс. Так в конце 40-х – начале 50-х годов, когда постулаты классического дескриптивизма в США исчерпали себя, этот термин стал использоваться для наименования исследования дистрибуции элементов языка в речевых произведениях больше слова, а затем и предложения. Довольно быстро после этого в этом направлении возникла трансформационная и генеративная лингвистика.

В европейской же и советской лингвистике теоретического кризиса в этот период не наблюдалось. Связано это, по-видимому, с тем, что в европейских направлениях исследование языка и речи не было так тесно связано с размером

единиц анализа и, кроме того, длительное время не наблюдалось жесткого противопоставления литературоведения и языкознания. Уже в 20-х и 30-х годах прошлого века в Европе анализировались все знаковые образования речи от фонемы (Трубецкой) до текста (напр. Пропп), до диалога (напр. Якубинский). Кроме того, в Европе отсутствовало табу на использование семантики. Более того, Л. Ельмслев рассматривал семантику как одну из двух обязательных сфер языка. Также нужно отметить, что исключение из объяснительных принципов так называемого экстралингвистического фактора, как требовала имманентная теория, никогда не было абсолютным.

Все это позволило европейцам довольно безболезненно адаптировать возникшие в различных направлениях лингвистики идеи и аналитические процедуры, такие как, например, дистрибутивный анализ, трансформации, теории игр, валентностные и фреймовые теории, прагмалингвистику, функциональную стилистику. Однако к концу XX века и в европейской, и в американской лингвистиках наметился серьезный идейный кризис, связанный с тем, что предшествующая идеология стала уже не в состоянии дать удовлетворительное объяснение использованию языка в речи. Как и обычно бывает в таких случаях, языковеды предпринимают попытки найти некоторый объясняющий все принцип и, как правило, обращаются к другим, обычно гуманитарным областям знания. Одним из таких понятий стал дискурс, имеющий логико-философское происхождение и обозначающий серию целенаправленных логических операций.

Кризис языкознания в конце XX века вполне предсказуем, поскольку языковеды стремились найти объективное объяснение использованию системы языка в реальном речевом общении. Это заставляло языковедов постоянно расширять границы исследуемых речевых отрезков, что приводило к необходимости учета уже неязыковых факторов. Несмотря на то, что в теоретических трудах единицы языка постепенно теряли свой субстанциональный статус, в конкретных исследованиях единицы языка рассматривались все еще как объекты, входящие в состав более крупных единиц. Однако языковые элементы крупнее предложения выводили исследователей в те области, в которых язык оказывался только инструментом, зависящим, естественно, от той деятельности, в которой он используется. Иными словами, речь оказывается инструментом организации взаимодействия. Следовательно, все речевые действия целенаправленны и должны соответствовать тому воздействию, которое предполагается коммуникантами.

Идея целенаправленности частично реализуется в функциональной стилистике, в которой характеристики письменных и устных высказываний связываются с определенными социальными, а в действительности – деятельностными параметрами. Но даже это оказалось недостаточным для понимания и моделирования речевых действий, поскольку в функциональной стилистике высказывания не рассматриваются в качестве речевых актов, и прагматика лишается своего базиса.

Включение прагматических параметров в исследования речи требует учета экстралингвистических и в первую очередь социальных факторов. Поэтому и возникает вопрос: чем является дискурс? Можно предположить, что он являет-

ся либо новым способом исследования речевой реализации системы языка, либо самой крупной структурой, реализуемой в речи.

Если под дискурсом понимать новый способ исследования речи, то, по всей видимости, к известным методикам анализа текстов достаточно добавить прагматически ориентированные процедуры, связав их с возможными целями говорящих-пишущих. Однако, по всей вероятности, только включение прагматики в исследовательский аппарат не сможет достаточно адекватно выявить структурные и семантические характеристики анализа текстов-высказываний. Недостаточная адекватность простого объединения прагмалингвистики, функциональной стилистики, семантического синтаксиса и лексической семантики вызвана тем, что, во-первых, необходимо предварительно определить те речевые структуры, которые используются коммуникантами для достижения своих целей, и, во-вторых (и это самое главное), определить сами цели. При этом оказывается, что набор конкретных целей постоянно меняется с развитием и усложнением тех видов деятельности, в которых человек вынужден использовать речь. Отсюда следует, что необходимо в первую очередь определить те постоянные ожидаемые в любом виде деятельности цели, вариантами которых являются задачи, возникающие при организации конкретного взаимодействия. Поэтому необходимо использовать наиболее общие результаты теории деятельности, и в частности этапы деятельности, которые предполагают, что в каждом из них имеются вполне ожидаемые семантические и прагматические операции [3]. К тому же, необходимо в самом общем виде определить функции участников деятельности и коммуникации, включенной в нее, или, иными словами, определить кортеж [4, с 219].

Кортежные характеристики реализуются в том, что М.К. Ветошкина определила как коммуникативные роли. Сами коммуникативные роли обладают определенными параметрами, указывающими на отношения данного коммуниканта к самой деятельности, ее результату, знанием и умением, а также социальными и личностными отношениями к другим участникам коммуникации и деятельности. Эти параметры образуют матрицу коммуниканта. Воздействие на эти параметры и приведение их к необходимому для данного участника значению и составляют суть коммуникации. Воздействие на параметры коммуниканта создает то, что в последние годы называется стратегией и тактикой общения. К сожалению, различие между этими действиями, как правило, сводится к степени охвата деятельности. Однако необходимо отметить другое, а именно то, что коммуникативные действия определяются двумя факторами. Первый фактор – деятельностный, и задается целями коммуникантов в данной деятельности. Этот фактор задает то, что можно назвать стратегией. Допустим, коммуниканту необходимо, чтобы его партнер произвел некоторое действие. Для выполнения этого действия инициатор коммуникации должен быть уверен, что его партнер знает и умеет это действие произвести, а также, что у его партнера нет ни социальных, ни психологических препятствий для этого. Проще говоря – что партнер хочет и согласен это сделать. Следовательно, инициатору общения необходимо создать такие коммуникативные условия, при которых указанные выше параметры были бы для инициатора благоприятны. Коммуни-

кативные же условия создаются за счет использования принципов общения, имеющих социальную природу. Поэтому можно заключить, что стратегия общения задается деятельностными интенциями говорящего-пишущего, а тактика предопределяется социальными законами, действующими в данном социуме (Богушевич, Горшкова).

Сказанное выше показывает, что если под дискурсом понимать использование речевых образований для достижения определенных деятельностных целей, то его можно признать тем, что известно как эпизод общения [1]. В то же время сам дискурс оказывается состоящим из дискурсов коммуникантов. Следовательно, дискурсом можно считать закономерности организации языковых единиц для достижения определенных целей как участниками общения, так и всем, связанным с данным эпизодом общения короткем. Поскольку эпизод общения оказывается непосредственным использованием системы языка в речи для организации деятельности, основные характеристики любого дискурса задаются категориями общения. В результате мы приходим к тому, что Э. Лакло и Ш. Муфф сформулировали в 1985 году: “Мы назовем *артикуляцией* любое действие устанавливающее отношение среди элементов так, что идентичность знаков изменяется в результате артикуляционной практики. Все структурное единство, появляющееся в результате артикуляционной практики, назовем *дискурсом*.” [10, с.108; цит. по 6, с. 49]

Однако обычно “структурное единство, появляющееся в результате артикуляционной практики” ограничивают текстом. Такой подход для исследования художественных текстов, поскольку они представляют собой цельные эпизоды открытого направленного неограниченного общения и коммуникативная реакция на них не предполагается. Но эпизоды общения могут обладать более сложной структурой, а коммуникативные роли включают несколько текстов высказывания. Исследования таких дискурсов уже проводятся [5].

При анализе дискурса в поле зрения исследователя обычно попадает употребление лексических средств в их номинативной функции. В то же время высказывания, как устные, так и письменные, которые составляют сам дискурс, образованы не столько словами, сколько предложениями. Предложения же, в свою очередь, имеют как семантический, так и прагматический аспект. Семантическая сторона отражает системные характеристики предложения как единицы языка, занимающей определенный уровень в его таксономии. В то же время прагматический аспект позволяет предложению быть неотъемлемой единицей дискурса, и следовательно, участвовать в реализации общей функции дискурса, заключающейся в воздействии на адресата.

Таким образом, представляется актуальным исследование механизмов взаимодействия семантического и прагматического аспектов предложения и определение их роли в реализации целевых установок коммуникантов в рамках того или иного дискурса. Начать рассмотрение указанной проблематики целесообразно с определения самого предложения как основного объекта анализа. Традиционно предложение трактуется как единица языка, предназначенная для отражения некоторой части картины мира, а именно некоторого положения дел. Но уже при моделировании денотата, т.е. определенной части картины мира го-

ворящий имеет цель не только структурировать семантику будущего предложения, но и построить его так чтобы это предложение вошло в определенный дискурс, обладало прагматической потенцией, и было способно выполнять функцию, заданную общей коммуникативной целью дискурса. Следовательно, уже на этапе построения глубинной сферы предложения, в распоряжении говорящего имеются инструменты, позволяющие ему включить в семантическую структуру предложения прагматические характеристики, необходимые для дискурсивной «жизни» данной сентенциональной единицы. Закономерно возникает вопрос о том, что же представляют собой эти инструменты. Возвращаясь к природе самого предложения, следует отметить, что предложение, как и любая знаковая структура в своей семантике несет указание, во-первых, на фрагмент экастралингвистической реальности, который актуализируется в нем, в этом случае мы говорим о денотате предложения, во-вторых, на способ отражения данного денотата, и в этой связи стоит вести речь о сигнификате предложения. Как известно, сигнификат не полностью отражает денотативные структуры, в связи с чем возможны варианты представления одного и того же денотата, что означает потенциальную возможность существования различных семантических конфигураций предложений, отражающих один и тот же фрагмент картины мира. В этой связи возникает ряд вопросов: во-первых о том, чем же обусловлена вариативность семантических конфигураций предложений, построенных на базе одной денотативной области; во-вторых, каким образом достигается эта вариативность; в-третьих, какова роль прагматико-дискурсивного фактора в структурировании самих семантических конфигураций.

Поскольку сигнификат и денотат являются аспектами предложения, они оба представляют собой некоторые структуры, то есть набор компонентов с отношениями между ними. Вариативное отражение положения дел (денотата) предполагает, что имена компонентов денотативной структуры могут занимать различные места в структуре сигнификата. Например, при отражении ситуации разрушения в английском предложении в первой, исходной позиции могут быть деятель (**John** broke the windowpane), инструмент действия (**The stone** broke the windowpane), или же объект воздействия (**The windowpane** broke). Поскольку замещение позиций в сигнификативной структуре производится говорящим, то в результате мы получаем компонент предложения, который имеет как семантическую, так и прагматическую функцию. Семантическая функция заключается в лексическом значении заполнителя сигнификативной позиции, и указывает на денотат предложения. Прагматическая функция указывает на интенцию говорящего, связанную с дискурсом, в который входит данное предложение.

В структуре английского предложения имеются две позиции, обладающие наиболее ярко выраженной прагматической функцией. Это элемент, с которого начинается структурирование предложения, или иначе, центр эмпатии (Куно). Второй элемент содержит имя того компонента положения дел, который говорящий (пишущий) полагает наиболее важным для себя. Этот элемент известен как фокус интереса.

Исследования распределения центра эмпатии, фокуса интереса, темы и ремы показали, что именно лексическое заполнение первых двух компонентов создает семантическую конструкцию текста [7; 8; 9].

В заключение можно сказать, что лингвистически дискурс можно рассматривать как систему операций речевой деятельности, направленную на достижение определенной не коммуникативной, а деятельностной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богушевич Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка/Д. Г. Богушевич – Минск, Вышэйшая школа, 1985.
2. Богушевич Д.Г. Стратегия, тактика, иллокуция, дифференциация и связи/Д.Г. Богушевич, О.В. Горшкова//Коммуникативные стратегии: материалы VI Международной научной конференции, Минск, 24 ноября 2011 г./ Минский гос. лингвист. ун-т; отв. ред. Т.В. Поплавская. – Минск, 2011. С. 26-28
3. Галагаева А. В. Этапы деятельности как принцип классификации текстов // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2008. – № 6. – С. 7 – 13.
4. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Казуально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса/И.Ф. Ухванова-Шмыгова. - Минск: БГУ, 2014. - 223 с.
5. Ухванова-Шмыгова И.Ф., Савич Е.В. Лингвистика дискурса в контексте лингвистических и филологических дисциплин: дискурс-анализ паспортов специальностей высшей аттестационной комиссии// La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 295-303
6. Филлипс, Луиза Дж., Йоргенсен, Марианне В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, – 336 с.
7. Чучкевич И.В. Взаимосвязь коммуникативной, семантической и поверхностной структур при организации предложения как текстовой единицы / И.В. Чучкевич // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. - №3(70). – С. 113 -121.
8. Чучкевич И.В. Распределение коммуникативной значимости между компонентами предложений, организующих текст/ И.В. Чучкевич // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. - №4 (71). – С. 122-130.
9. Ivanova-Mitsevich, I. V. Sentence Meaning as Pragmatically Determined Operation / I. V. Ivanova-Mitsevich // Meaning, Context and Cognition, Lodz, 24-26 March 2011 year / University of Lodz; ed. Iwona Witzak-Plisiecka, Mikolaj Deckert. – Lodz, 2011. – P. 50.
10. Laclau, E. and Mouffe, C. (1985) Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso